

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Перепечатка воспоминаний
Джона Эйч Ватсона,
доктора медицины,
отставного военного врача*

1. М-Р ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹, чтобы пройти курс военной хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятой нортумберлендской стрелковой бригаде. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я успел прибыть на место службы, разразилась Вторая афганская война². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев несколько стратегических укреплений, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными несчастьями и бедствиями. Переведенный из своей бригады в Беркширскую, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там я был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878—1880 гг.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 г. закончилась поражением британцев.

⁴ Д ж е з а й л — традиционное длинноствольное дульнозарядное ружье некоторых народов Центральной Азии, особенно было распространено в Афганистане.

кость и задела подключичную артерию. Я бы непременно попал в руки кровожадных гази¹, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея, который взвалил меня поперек выючной лошади и умудрился благополучно доставить до британских позиций.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых страдальцев отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что мог уже ходить по палатам и даже понемногу загорать на веранде, когда меня внезапно сразил брюшной тиф — это вечное проклятье наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался настолько слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня обратно в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронте» и месяц спустя высадили на пирс в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем, но с разрешением отечески заботливого правительства использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер — по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах я, естественно, тяготел к Лондону, этому отстойнику, в который непреодолимо втягиваются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя лишенное покоя бессмысленное существование и тратя те деньги, которые у меня имелись, с беспечностью куда большей, чем дозволительно, в результате чего мое финансовое положение оказалось настолько угрожающим, что вскоре стало ясно: я должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо полностью изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее претенциозном и дорогом жилище.

¹ Почетный титул мусульман, воевавших против неверных.

В тот самый день, когда я пришел к этому заключению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда бывшего моим ассистентом в госпитале «Бартс»¹. Одиному человеку всегда приятно увидеть знакомое дружелюбное лицо в большой пустыне Лондона. В старые времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он, в свою очередь, казалось, был искренне рад встрече. В порыве восторга я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчицкой пролетке.

— Что, черт возьми, вы с собой делали все это время, Ватсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. — Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я коротко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

— Бедолага! — сочувственно сказал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. — И что вы собираетесь делать теперь?

— Искать жилье, — ответил я. — Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену.

— Как странно, — заметил мой спутник, — за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один приятель, который работает в химической лаборатории госпиталя. Сегодня утром он жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять на двоих славную квартиру, — ему одному она не по карману.

— Вот те на! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен кто-то, чтобы разделить жилье и плату за него, то я для него именно такой человек. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем жить одному.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала странноватым взглядом.

— Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, — сказал он. — Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

¹ Старейшая лондонская больница.

— Почему? Что с ним не так?

— О, я вовсе не говорю, что с ним что-то не так. Просто он человек с немного странными идеями — энтузиаст определенного рода научных изысканий. Но, насколько мне известно, человек он вполне порядочный.

— Он, наверное, изучает медицину? — предположил я.

— Нет. Я понятия не имею, что именно он изучает. Кажется, он хорошо разбирается в анатомии, и еще он перво-классный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия вообще отрывочны и эксцентричны, но в ходе их он накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

— И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? — удивился я.

— Нет. Он не из тех, кого легко разговорить, хотя может быть весьма болтлив, когда им овладевает некая фантазия.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж делить с кем-нибудь жилье, то я бы предпочел человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и волнений я еще недостаточно окреп. Этого я столько нахлебался в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

— Он наверняка торчит у себя в лаборатории, — ответил мой спутник. — Он либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему прямо после обеда.

— Разумеется, — обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд по дороге рассказал мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я вознамерился делить квартиру.

— Только, если вы с ним не поладите, меня не вините, — сказал он. — Я знаю о нем лишь то небольшое, что смог понять во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

— Если мы не поладим, можно ведь просто расстаться, — ответил я и добавил: — Но мне кажется, Стэмфорд, что вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого

человека чудовищный характер или что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

— Не так-то просто выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс чуточку излишне одержим наукой, а это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу себе представить, как он дает другу щепотку новейшего растительного алкалоида — не по злобе, как вы понимаете, а просто из любви к научному эксперименту: чтобы точно зафиксировать проявления его воздействия. Но, надо отдать ему должное, полагаю, что скорее и с той же готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у него страсть к точному и проверенному знанию.

— В этом нет ничего дурного.

— Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избияния тростью трупов в прозекторской, это выглядит весьма эксцентрично.

— Избияния трупов?!

— Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образовываться синяки. Я собственными глазами видел, как он это проделывает.

— И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

— Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас вы будете иметь возможность составить о нем собственное представление. — На этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к его концу низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком, заставленная где выстроившимися в ряд, где беспорядочно громоздившимися склянками. Широкие низкие столы были расставлены безо всякой системы, и на них теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Ус-

лышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком:

— Я его нашел! Нашел! — сообщил он моему сопровождающему, одновременно бросаясь к нам с пробиркой в руке. — Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин и больше ничего.

Найди он золотую жилу, большего восторга на его лице все равно быть не могло.

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Рад познакомиться, — сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не ожидал. — Вижу, вы прибыли из Афганистана.

— Господи, как вы это узнали? — Я был потрясен.

— Неважно, — ответил он, усмехнувшись чему-то своему. — Сейчас главный вопрос в гемоглобине. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

— С точки зрения химии это, безусловно, интересно, — ответил я. — Но что касается практической пользы...

— Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить непогрешимо точный анализ следов крови? Идите же сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к столу, за которым работал до нашего прихода. — Давайте-ка добудем немного свежей крови, — сказал он, вонзая себе в палец длинную иглу и всасывая показавшуюся каплю крови химической пипеткой. — Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Вы видите, что раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, он всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

— Ха-ха! — победно воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. — Ну, что вы об этом думаете?

— Похоже, это очень тонкий анализ, — заметил я.

— Превосходно! Превосходно! Старый гваяколовый¹ анализ был чересчур сложным и неточным, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее незаменимо, если кровавые пятна имеют давность не более нескольких часов. А мой новый анализ, похоже, вообще не зависит от того, свежие они или застарелые. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

— В самом деле! — пробормотал я.

— Очень часто расследование упирается в эту одну-единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрели его белье и одежду и нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, или грязи, или ржавчины, а может быть, это следы фруктового сока или что-нибудь еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

— Вас следует поздравить, — заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело о доме Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

— Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, — рассмеялся Стэмфорд. — Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

— И уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, — заметил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце

¹ От названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякологового дерева.

пластырем. — Нужно быть осторожным, — объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, — я много вожусь с ядами. — Он вытянул руку, и я заметил, что она вся была покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

— А мы пришли по делу, — сказал Стэмфорд, усаживаясь на высокий трехногий стул и ступней подталкивая мне другой такой же. — Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, чтобы оплачивать квартиру пополам, я подумал, что неплохо бы свести вас вместе.

Шерлока Холмса, похоже, идея разделить со мной жильё восхитила.

— Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, — сказал он, — которая могла бы нам идеально подойти. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

— Я сам всегда курил матросскую махорку, — ответил я.

— Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Так, давайте подумать — какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и я могу неделями не открывать рта. Когда такое случается, вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот перекрестный допрос, я рассмеялся.

— У меня есть шенок бульдога, — признался я, — и я не выношу шума, поскольку у меня расшатаны нервы, еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные — эти.

— Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? — с тревогой поинтересовался Холмс.

— Это зависит от того, кто играет, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке — божественное наслаждение, плохая же...

— О, можете не беспокоиться, — с радостным смехом перебил он. — Думаю, мы договорились — то есть в том случае, если вас устроит квартира.

— Когда можно ее осмотреть?

— Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедem и все уладим, — сказал он.

— Отлично — ровно в полдень, — подтвердил я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса среди его химикатов, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг спросил я, останавливаясь, — откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

— Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда он все узнаёт.

— О! Тайна, не так ли? — воскликнул я, радостно потирая руки. — Это очень пикантно. Я весьма признателен вам за то, что вы свели нас вместе. Помните: «Чтоб человечество познать, персону должно изучать»¹

— Ну, тогда постарайтесь изучить Холмса, — сказал Стэмфорд, помахав мне на прощание рукой. — Желаю удачи, однако увидите, что это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнаёт куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

— Прощайте, — ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

2. МЕТОД НАУЧНОЙ ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру по Бейкер-стрит, 221-б, о которой он рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой — в ней имелись два широких окна. Жилище оказалось таким идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была совершена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и чехлов с одеждой. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои

¹ «The proper study of Mankind is Man» — вторая строка Эпистолы II из «Опыта о человеке в четырех эпистолах» Александра Поупа (перевод мой).

пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А когда с этим было покончено, начали постепенно приспосабливаться к своему новому жилищу и обживать его.

Неудобным компаньоном Холмс, совершенно очевидно, не был: его привычки были постоянными и мирными. Он редко бодрствовал после десяти часов вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Иногда он дни напролет проводил в химической лаборатории, иногда — в прозекторской, а время от времени — в долгих прогулках, которые, похоже, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда он впадал в рабочий раж; но время от времени наступала обратная реакция, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване, с каменным лицом, не произнося почти ни единого слова. В такие периоды я замечал в его глазах такую мечтательную отрешенность, что, не будь его образ жизни столь трезвым и воздержанным, на ум могло прийти подозрение: уж не употребляет ли он какой-нибудь наркотик.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к нему, мое любопытство относительно его жизненных целей постепенно становились все глубже и настоятельней. Сама его личность и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так избыточно худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый и пронизательный, если не считать тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; а тонкий орлиный нос придавал его лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что он — человек волевой. Его руки всегда были перепачканы чернилами и изобиловали следами воздействия химических препаратов, притом что действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как он манипулирует своими хрупкими научными инструментами.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе испытывать его сдержанность, касающуюся всего, что было связано с ним самим. Однако прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и

сколь мало было в ней такого, что могло бы завладеть моим вниманием. Здоровье не позволяло мне рисковать и выходить из дома, если погода не была исключительно теплой и солнечной, а друзей, которые могли бы навещать меня и скрашивать монотонность повседневного существования, я не имел. В подобных обстоятельствах меня, естественно, неодолимо влекла тайна, окружавшая моего сотоварища, и я тратил немало времени в попытках проникнуть в нее.

Медицину он действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он и систематическим курсом самообразования, который мог бы позволить ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее его страсть к определенному роду исследованиям была настолько исключительной, а его знания в определенных эксцентричных рамках настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошарашивали. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или собирать сведения так тщательно, если бы не имел в виду достижение некоего определенного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются точностью своих познаний. Ни один человек не будет сжигать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет достаточно основательной причины это делать.

Его невежество было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал практически ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля¹, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако кульминации мое изумление достигло тогда, когда я случайно обнаружил, что он — полный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, понятия не имеющий о том, что Земля вертится вокруг Солнца, показалось мне настолько неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

— Вижу, вы удивлены, — сказал он, с улыбкой наблюдая за изумленным выражением моего лица. — Но теперь, когда

¹ Карлейль, Томас (1795—1881) — английский публицист, историк, философ.

вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

— Забыть?!

— Видите ли, — пояснил он, — по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит заставить мебелью по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или, во всяком случае, оказывается захлапленным стольким количеством ненужных вещей, что достать его в случае необходимости просто не представляется возможным. Человек же разумный очень избирателен в смысле того, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, необходимых для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент будет у него очень богат, и содержать его он будет в идеальном порядке. Ошибочно думать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может расширяться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится забывать что-то из ранее приобретенного. И чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

— Но Солнечная система! — запротестовал я.

— А какой мне в ней прок? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы разница не стоила бы ни гроша.

Это был весьма подходящий момент, чтобы спросить его, в чем именно состоит его работа, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать свой вывод. Он сказал, что не станет запоминать ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, все знания, которыми он обладал, должны быть полезны именно ему. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих он обнаружил высочайшую осведомленность. Я даже взял карандаш и записал их. Изучая получившийся документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

1. Знание литературы — ноль.

2. Знание философии — ноль.

3. Знание астрономии — ноль.

4. Знание политики — слабое.

5. Знание ботаники — разное: хорошо осведомлен о свойствах белладонны, опиума и ядов в целом; о практическом садоводстве не знает почти ничего.

6. Знание геологии — практическое, но ограниченное: может по внешнему виду отличить разные виды почв; после прогулок показывал мне пятна на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, какое в каком районе Лондона получено.

7. Знание химии — глубокое.

8. Знание анатомии — точное, но не систематизированное.

9. Знание криминальной литературы — безграничное. Похоже, он досконально знает все подробности всех преступлений, имевших место в нынешнем столетии.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Мастер в фехтовании на деревянных рапирах¹, великодушный боксер, блестяще владеет холодным оружием.

12. Обладает обширными практическими знаниями в области британского законодательства.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул свой список в огонь. «Если я до сих пор не смог понять, какую цель преследует человек, сочетая все эти знания и умения, и сообразить, какого рода призвание требует их всех, — сказал я себе, — то лучше сдать сразу».

Выше я упомянул искусную игру Холмса на скрипке. Мастерство его было действительно выдающимся, хотя и экстравагантным, как, впрочем, и все прочие его умения. То, что он умеет — и хорошо умеет — исполнять сложные сочинения, мне было отлично известно, потому что по моей просьбе он играл «Песни без слов» Мендельсона и другие мои любимые произведения. Однако наедине с собой он

¹ Деревянные рапиры использовались для тренировок в фехтовании.

редко извлекал из своей скрипки то, что можно было бы назвать собственно музыкой или хотя бы знакомой мелодией. По вечерам, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, он небрежно водил смычком по струнам лежавшего на колени инструмента. Иногда его звучание было торжественным и мелодичным. Иногда — фантастическим и бравурным. Несомненно, оно каким-то образом соотнобразовывалось с мыслями, владевшими исполнителем, но понять, помогала ли ему эта его музыка думать или являлась лишь выражением прихоти или фантазии, было выше моего разума. Я мог бы выразить протест против подобных раздражающих музыкальных экспериментов, если бы в качестве компенсации за испытание моего терпения он не заканчивал их обычно последовательным исполнением целой серии моих любимых мелодий.

В течение первой недели или около того у нас не было никаких посетителей, и я уже начал было думать, что у моего компаньона так же, как у меня самого, нет друзей. Однако вскоре я обнаружил, что у него немало знакомых, причем принадлежащих к самым разным кругам общества. Был среди них, например, болезненного вида парень с темными глазами и крысиной мордочкой, который представился мне как мистер Лестрейд; в течение одной недели он приходил раза три или четыре. Как-то утром явилась шикарно разодетая девушка, которая провела у Холмса с полчаса, а то и больше. Тот же день принес еще одного посетителя: изможденного мужчину с проседью в волосах, похожего на торговца-еврея, который показался мне весьма взволнованным. Сразу вслед за ним пришла пожилая женщина в стоптанных башмаках. Однажды с моим компаньоном беседовал старый джентльмен с головой, белой как лунь; а в другой день пришел вокзальный носильщик в вельветиновой форме. Всякий раз, когда появлялась подобная непонятная личность, Шерлок Холмс просил разрешения воспользоваться нашей общей гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда приносил мне извинения за вынужденное неудобство. «Мне приходится использовать гостиную как рабочий кабинет, — говорил он. — Эти люди — мои клиенты». В таких случаях опять предоставлялся удобный момент задать ему прямой вопрос, но деликатность снова и снова не позволяла мне насильно выведывать чужие се-

креты. В то время мне казалось, что у Холмса есть какая-то важная причина не раскрывать своих тайн, однако вскоре он сам развеял мои сомнения.

Это случилось четвертого марта (и явилось событием достаточно важным, чтобы я точно запомнил дату). Проснувшись раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не кончил завтракать. Наша хозяйка так привыкла к моим поздним вставаниям, что ни моего прибора, ни моего кофе на столе еще не было. С необоснованной раздражительностью, свойственной многим людям, я позвонил в звонок, чтобы дать знать, что я готов. Потом взял со стола журнал и стал просматривать его, коротая ожидание. Мой компаньон тем временем продолжал молча жевать свой тост. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и я невольно принялся просматривать именно ее.

Название было немного претенциозным — «Книга жизни». Автор статьи пытался показать, как много может узнать наблюдательный человек, если тщательно и методично изучает все, что встречается ему на пути. Статья поразила меня удивительной смесью проницательности и невразумительности. Ход мысли был логичным и убедительным, но выводы казались натянутыми и нарочито преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, произвольному сокращению мускулов или вскользь брошенному взгляду можно постичь самые потаенные мысли человека. По его словам, человека, умеющего наблюдать и анализировать, невозможно обмануть. Его умозаключения были безапелляционны и претендовали на безошибочность доказательств евклидовых теорем. Непосвященному выводы автора казались настолько ошеломляющими, что без возможности проследить за развитием мыслей, приведших к подобному результату, он мог бы счесть его колдуном.

«По одной капле воды, — утверждал автор, — логически мыслящий человек способен догадаться о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, пусть он никогда не видел ни того ни другого и даже не слышал о них. Жизнь любого человека представляет собой длинную цепь взаимосвязанных событий, поэтому ее природу можно постичь по одному-единственному звену. Как любым иным видом искусства, искусством дедукции и анализа можно овладеть

лишь посредством долгого и кропотливого труда, но жизнь слишком коротка, чтобы кто бы то ни было из смертных хоть отдаленно приблизился в нем к совершенству. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным аспектам проблемы, в которых заключаются самые большие трудности, исследователю надлежит приобрести более простые навыки. Например, при встрече с другим смертным научиться с первого взгляда распознавать происхождение человека и его профессию. Каким бы ребяческим ни казалось подобное занятие, оно обостряет наблюдательность и учит тому, на что следует смотреть и что искать. По ногтям человека, по рукавам его пальто, по обуви, по потертости брюк на коленках, по мозолям на указательном и большом пальцах, по выражению лица и облигам рубашки — по всем этим деталям можно точно угадать его ремесло. Почти немисливо себе представить, чтобы вместе взятые они не рассказали всё умелому наблюдателю».

— Какая несусветная чушь! — воскликнул я, швыряя журнал на стол и приступая к завтраку. — Никогда в жизни не читал подобного бреда.

— Вы о чем? — поинтересовался Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статье, — ответил я, указывая на открытую страницу яичной ложечкой. — Вижу, вы читали ее, поскольку отметили карандашом. Не спорю, написано лихо, но она меня раздражает. Не сомневаюсь, что это теория какого-нибудь бездельника, который придумывает свои склэдные маленькие парадоксы, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла. В них нет никакой практической пользы. Хотел бы я видеть, как он в метро садится в вагон третьего класса и на спор определяет профессии всех своих спутников. Я бы поставил тысячу фунтов против одного не в его пользу.

— И потеряли бы свои деньги, — спокойно возразил Холмс. — А что касается статьи, то ее написал я.

— Вы?!

— Да. У меня есть склонность как к наблюдениям, так и к дедукции. А теории, которые я в ней изложил и которые показались вам столь сумасбродными, на самом деле имеют большую практическую пользу — настолько большую, что ими я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

— Но как именно? — невольно вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня особая профессия. Полагаю, я единственный в мире человек, который ею занимается. Я — сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и мне удается направить их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно я могу с помощью своих знаний в области истории преступлений помочь им разобраться. Между преступлениями существует прочное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях тысячи однотипных преступлений, будет странно, если вы не разгадаете тысячу первое. Лестрейд — известный сыщик. Недавно он запутался в деле о подлоге, оно-то и привело его ко мне.

— А те, другие люди?

— Их в основном присылают ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди попали в какую-нибудь беду и ищут помощи. Я выслушиваю их истории, они — мои разъяснения, после чего я кладу в карман гонорар.

— Не хотите ли вы сказать, что можете, не выходя из комнаты, распутать клубок, с которым не справились другие, хотя они видели все воочию?

— Именно это я и хочу сказать. У меня есть интуиция на подобные вещи. Правда, время от времени попадают случаи несколько более сложные. Тогда приходится присутствовать и взглянуть кое на что собственными глазами. Я, видите ли, обладаю множеством специальных знаний, коими пользуюсь для разрешения проблем; они удивительно облегчают дело. Те приемы дедукции, которые изложены в статье и которые вызвали у вас столь пренебрежительное отношение, в практической работе незаменимы. Наблюдательность — моя вторая натура. Вот вы, кажется, удивились, когда я при первой встрече угадал, что вы прибыли из Афганистана.

— Бьюсь об заклад, вам кто-то об этом сообщил.

— Ничего подобного. Я сам *узнал*, что вы приехали из Афганистана. Благодаря долгой практике последовательность умозаключений проносится у меня в голове так быстро, что я делаю вывод, бессознательно опуская промежуточные звенья. Тем не менее такие звенья существуют. В данном случае мысль моя развивалась так: «Вот джентль-

мен, явно имеющий отношение к медицине, но есть в нем и нечто от военного. Значит, он — военный врач. Он только что приехал из тропиков, поскольку лицо у него смуглое, причем это не естественный цвет его кожи: запястья у него светлые. Недавно он перенес невзгоды и тяжелую болезнь, о чем явно свидетельствует его изможденное лицо. Левая рука была у него ранена: он держит ее неестественно и старается оберегать. В какой тропической стране в настоящее время английский военный врач может получить ранение и подвергнуться испытаниям? Разумеется, в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, после чего я высказал предположение, которое вас так потрясло: что вы прибыли из Афганистана.

— Теперь, когда вы объяснили, все кажется действительно простым, — улыбнулся я. — Вы мне напоминаете Дюпена из рассказов Алана Эдгара По. Я и представить себе не мог, что подобные люди существуют в реальной жизни.

Шерлок Холмс встал и, раскурив трубку, заметил:

— Вы, безусловно, думаете, что сделали мне комплимент, сравнив меня с Дюпеном. — Но, по моему мнению, Дюпен был весьма ничтожной личностью. Этот его трюк, когда после четверти часа молчания он каким-нибудь вскользь брошенным замечанием дает понять, что прочел мысль собеседника, поверхностен и рассчитан на эффект. Не спорю, он не лишен кое-каких аналитических способностей, но, вне всякого сомнения, отнюдь не является исключительным феноменом, каким его, видимо, представлял себе По.

— А произведения Габорио¹ вы читали? — спросил я. — Отвечает ли вашим представлениям об истинном сыщике его Лекок?

Шерлок Холмс сардонически ухмыльнулся.

— Лекок был презренным «сапожником», — сердито ответил он. — В заслугу ему можно поставить разве что кипучую энергию. Эта книга меня просто бесит. Ему ведь нужно было всего-навсего установить личность заключенного. Я бы сделал это за сутки. У Лekoка на это ушло не менее полугода. Эта книга может служить сыщику учебником того, как работать не следует.

¹ Габорио, Эмиль (1833—1873) — французский романист.

Меня изрядно рассердил такой кавалерийский наскок на двух персонажей, коими я восхищался. Подойдя к окну, я стал смотреть на запруженную людьми улицу. «Этот парень, возможно, и очень умен, — сказал я себе, — но слишком уж самоуверен».

— В последнее время нет ни настоящих преступлений, ни истинных преступников, — ворчливо заметил Холмс. — Какой прок иметь мозги человеку нашей профессии? Я точно знаю, что у меня их достаточно, чтобы прославить мое имя. Сейчас нет, да и раньше не было человека, который обладал бы таким количеством знаний и был наделен таким талантом к расследованию преступлений, как я. А что толку? Расследовать-то нечего. В лучшем случае попадается какое-нибудь неуклюжее сработанное злодейство, мотив которого настолько очевиден, что даже полицейский из Скотланд-Ярда видит его насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше сменить тему.

— Интересно, что ищет вон тот парень? — сказал я, указывая на дюжего мужчину в простой одежде, который медленно шел по другой стороне улицы, напряженно всматриваясь в номера домов. Судя по тому, что в руке он держал большой голубой конверт, мужчина был посыльным.

— Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? — уточнил Шерлок Холмс.

«Хвастун и позер! — подумал я. — Знает же, что я не могу проверить его догадку».

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, заметил номер на нашей двери и быстро пересек улицу. Мы услышали громкий стук внизу, рокочущий бас, затем тяжелые шаги на лестнице.

— Для мистера Шерлока Холмса, — сказал мужчина, входя в комнату и протягивая конверт моему товарищу.

Вот он, удобный случай для разоблачения. Ведь, выстрелив наугад, Холмс не мог предвидеть такого оборота событий.

— Могу я задать вам вопрос, приятель? — спросил я невиннейшим голосом. — Какова ваша профессия?

— Посыльный, сэр, — сипло ответил он. — Просто моя форма сейчас в ремонте.

— А кем вы были раньше? — поинтересовался я, с чуть коварной усмешкой поглядывая на своего компаньона.

— Сержантом, сэр, королевской легкой морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Слушаюсь, сэр.

Он щелкнул каблуками, по-военному отсалютовал и удалился.

3. ТАЙНА ЛЮРИСТОН-ГАРДЕНЗ

Должен признаться, меня изрядно взволновало это новое подтверждение практической пользы теорий моего компаньона. Мое уважение к его способностям неизмеримо возросло. Однако в глубине души все еще копошилось тайное подозрение, что весь этот эпизод был подстроен заранее, чтобы ошеломить меня, хотя, зачем моему товарищу это могло понадобиться, оставалось за гранью моего разумения. Когда я снова посмотрел на него, он уже закончил читать письмо, и взгляд его стал отсутствующим и тусклым, что свидетельствовало о глубокой погруженности в собственные мысли.

— Как, скажите вы мне ради бога, вам удалось это выяснить? — взмолился я.

— Выяснить — что? — раздраженно переспросил он.

— Как — что? То, что он отставной сержант морской пехоты.

— Мне некогда сейчас отвлекаться на пустяки, — резко ответил он, но, спохватившись, улыбнулся и добавил: — Простите за грубость. Вы нарушили ход моей мысли, впрочем, быть может, это и к лучшему. Значит, сами вы не смогли сообразить, что этот человек — сержант, бывший морской пехотинец?

— Конечно, нет!

— Мне было легче догадаться, чем объяснить, как я это сделал. Если бы вас попросили доказать, что дважды два — четыре, вас бы это тоже затруднило, хотя вы ничуть не сомневались бы в самом факте. Хоть человек находился на другой стороне улицы, я заметил большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его ладони. Это навело меня на мысль о море. В то же время у него была военная выправка и предписанные уставом бакенбарды. Стало

быть — морской флот. Вид этого человека средних лет не был лишен важности и некой командирской осанки. Вы должны были заметить, как он держал голову и помахивал тростью. Выражение его лица тоже свидетельствовало о том, что это степенный, уважаемый мужчина. Все это и подсказало мне, что некогда он был сержантом.

— Потрясающе! — вырвалось у меня.

— Элементарно, — сказал Холмс, хотя по его лицу можно было догадаться, что ему польстили мое очевидное удивление и мое восхищение. — Только что я сказал вам, что в наши дни вывелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался — взгляните на это! — Он бросил мне через стол письмо, доставленное посыльным.

— Господи! — воскликнул я, пробежав его глазами. — Это же ужасно!

— Это действительно, судя по всему, несколько выходит за обычные рамки, — спокойно заметил он. — Не откажите в любезности прочесть мне письмо вслух.

Вот текст, который я ему прочел:

— «Мой дорогой мистер Шерлок Холмс!

Нынешней ночью в Лористон-гарденз, 3, на Брикстон-роуд, произошло весьма неприятное событие. Около двух часов утра наш патрульный заметил свет в окне и, поскольку знал, что дом этот необитаем, заподозрил неладное. Дверь оказалась открытой, и в передней комнате, где нет никакой мебели, он обнаружил труп хорошо одетого джентльмена, в кармане которого были найдены визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, Огайо, Соединенные Штаты Америки. Никаких признаков ограбления и никаких улик, могущих подсказать, как именно нашел свою смерть этот человек. По всей комнате видны следы крови, но на трупе — ни единой раны. Мы теряемся в догадках: как он попал в пустой дом; вообще все это дело — сплошной ребус. Если Вы сможете приехать сюда в любое время до полудня, то найдете меня здесь. Я сохранил все в *statu quo* до получения Вашего ответа. Если же Вы прибыть не сможете, я сообщу Вам дополнительные подробности и буду чрезвычайно признателен, коли Вы любезно сообразоволяете высказать свое мнение.

Искренне Ваш Тобиас Грегсон».

— Грегсон в Скотланд-Ярде — самый толковый, — заметил мой друг. — Они с Лестрейдом — лучшие в этой в

общем-то очень слабой команде. Оба быстрые и энергичные, но слишком уж консервативные. К тому же друг с другом на ножах: ревнивы, как две профессиональные красотки. Раз в этом расследовании участвуют оба, есть шанс здорово повеселиться.

Меня удивило спокойствие, с каким журчал его голос.

— Не сомневаюсь, что нельзя терять ни минуты! — воскликнул я. — Может быть, мне пойти привести вам кэб?

— Я не уверен, поеду ли. Я ведь самый неисправимый на свете ленивец и не люблю зря сбивать ноги — это, конечно, когда я не в форме, в другое время могу быть весьма проворен.

— Ну как же так! Ведь это именно тот случай, о котором вы мечтали.

— Мой дорогой друг, а какой мне в этом прок? Предположим, я распутаяю дело. Можете не сомневаться, что Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят мои лавры. Вот что значит быть лицом неофициальным.

— Но он просит вас помочь.

— Да. Он понимает, что я превосхожу его по всем статьям, и признает это передо мной; но, доведись ему говорить об этом с третьим лицом, — язык проглотит. Тем не менее можно поехать посмотреть. Буду работать самостоятельно. Если ничего другого не останется, хоть посмеюсь над ними. Поехали!

Он быстро надел пальто и засуетился так, что стало ясно: летаргическая апатия уступила место мощному выбросу энергии.

— Берите шляпу, — велел он.

— Вы хотите, чтобы я ехал с вами?

— Да, если у вас нет более интересного занятия.

Минуту спустя мы уже сидели в пролетке, которая стремительно неслась по направлению к Брикстон-роуд.

Утро было туманное, небо затянуто облаками, коричнево-серая дымка висела над крышами, будто отражение грязных улиц, простиравшихся вниз. Мой спутник пребывал в прекрасном настроении и непрерывно что-то болтал о кремонских скрипках и различиях между инструментами Страдивари и Амати¹. Что касается меня, то я молчал, меня

¹ Амати из Кремоны — семейство, снискавшее в XVI — XVII веках славу великолепных скрипичных мастеров. Антонио Страдивари (1644—1737) — самый выдающийся их ученик.

угнетали пасмурная погода и прискорбность события, в которое мы оказались вовлечены.

— Вы, кажется, не слишком озабочены предстоящим расследованием, — заметил я наконец, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

— У меня пока нет данных, — ответил он. — А начинать теоретизировать до того, как имеешь на руках все улики, — большая ошибка. Это может впоследствии привести к ложным суждениям.

— Скоро у вас будут данные, — заметил я, указывая пальцем: — Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь. Извозчик, стой! — Мы находились ярядах в ста от нужного места, но Холмс настоял, чтобы последнюю часть пути мы прошли пешком.

Дом номер три в Лористон-гарденз имел вид зловещий и словно бы таил в себе угрозу. Он стоял в ряду четырех зданий, выстроившихся вдоль узкого переулка, отходящего вглубь от Брикстон-роуд, два из них были населены, два пустовали. Эти последние смотрели на мир тремя шеренгами печальных пустых окон, которые казались бы еще более мрачными, если бы не наклеенные на них там и сям объявления «Сдается», напоминавшие бельма катаракты на помутневших слепых роговицах. Крохотные палисаднички, негусто окропленные чахлыми растениями, отделяли каждый дом от тротуара; их пересекали узкие желтоватые дорожки, покрытые, скорее всего, смесью глины и гравия. После дождя, который шел всю ночь, их развезло, грязь повсюду стояла невероятная. С внешней стороны палисад был обнесен трехфутовой кирпичной стенкой с деревянными перилами поверху. Прислонившись к ней, у дома номер три стоял констебль в окружении небольшой группы зевак, которые вытягивали шеи и напрягали зрение в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь из происходившего внутри.

Я представлял себе, что Шерлок Холмс тут же ринется в дом и окупнется в разгадывание тайны. Но он оказался несказанно далек от подобного намерения. С беспечным видом, который, учитывая обстоятельства, почти граничил с притворством, он слонялся туда-сюда по тротуару, отсутствующим взглядом обозревая землю, небо, дома на противоположной стороне и деревянные перила. Завершив свое обследование, он медленно двинулся по дорожке, точнее,

по травяной кромке, обрамлявшей ее, не отрывая при этом глаз от земли. Дважды он останавливался, один раз я заметил на его лице улыбку и услышал, как он издал довольный возглас. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов; но поскольку полицейские в последние часы беспрестанно ходили по ней взад-вперед, я не понимал, как мой компаньон надеется хоть что-нибудь узнать по этим затоптаным следам. Тем не менее я уже располагал выдающимися свидетельствами быстроты его реакции и незаурядной пронизательности, поэтому вполне допускал, что он может увидеть многое из того, что скрыто от моего взора.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке, он бросился навстречу моему товарищу и с излияниями благодарности пожал ему руку.

— Как любезно, что вы приехали, — сказал он. — Я остался здесь все, как было.

— Кроме этого! — ответил мой друг, указывая на дорожку. — Даже если бы тут прошло стадо буйволов, едва ли оно оставило бы после себя такое месиво. Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что, прежде чем допустить это безобразие, вы осмотрели следы и сделали выводы из своих наблюдений.

— У меня было столько дел в доме, — уклончиво ответил детектив. — Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я надеялся, что он проследит за этим.

Холмс взглянул на меня и саркастически поднял бровь.

— При наличии двух таких профессионалов, как вы и Лестрейд, третьему лицу здесь будет почти нечего делать, — сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Полагаю, мы сделали все, что следовало, — ответил он. — Тем не менее дело это необычное, а я знаю, что вы такие любите.

— Вы приехали сюда не в кэбе? — спросил Шерлок Холмс.

— Нет, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже нет, сэр.

— Тогда пойдемте осмотрим комнату, — нелогично заключил Холмс и шагнул в дом, сопровождаемый Грегсоном, чье лицо выражало полное недоумение.

Короткий пыльный коридор с голыми стенами упирался в кухню и прочие подсобные помещения. Справа и слева имелись две двери. Одну из них, совершенно очевидно, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую, это и была та комната, в которой случилось таинственное происшествие. Холмс вошел в нее, я последовал за ним с тем подавленным чувством в душе, которое всегда вызывало во мне присутствие смерти.

Большая квадратная комната из-за отсутствия мебели выглядела еще более просторной. Стены были обклеены вульгарными обоями с кричащим рисунком, местами они покрылись пятнами плесени, а кое-где оторвались и свисали длинными лохмами, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери имелся такой же безвкусно-шикарный камин с полкой из поддельного белого мрамора. На одном ее краю стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно оказалось таким грязным, что пропускало в комнату лишь тусклый неверный свет, придававший всему, что в ней находилось, уныло-серый оттенок, усугублявшийся толстым слоем пыли, покрывавшей всю квартиру.

Но все это я разглядел потом. А в первый момент мое внимание полностью сосредоточилось на одинокой злоеще-неподвижной фигуре, которая лежала на полу, уставившись в бесцветный потолок пустыми незрячими глазами. Это был человек лет сорока трех-четырёх, среднего роста, широкоплечий, с жесткими выющимися черными волосами и короткой щетинистой бородой. Одет он был в сюртук из плотного сукна, жилет, светлые брюки и безукоризненно белую рубашку. Шляпа с высокой тульей, идеально чистая, ничуть не поврежденная, лежала на полу рядом. Руки сомкнуты в кулаки и широко раскинуты, ноги сведены в мучительной предсмертной судороге. Застывшие черты выражали ужас и, как мне показалось, такую ненависть, какой я никогда еще не видел на человеческом лице. Эта злобная, чудовищная гримаса в сочетании с низким лбом, тупо обрубленным носом и выпирающими скулами придавали мертвецу обезьяний вид, усугублявшийся неестественно скрюченной позой. Мне доводилось видеть смерть во многих обличьях, но никогда еще она не представляла более ужасающей, чем теперь, в этой плохо освещенной мрачной

комнате, окно которой выходило на одну из главных артерий лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и, как всегда, похожий на хорька, приветствовал нас с Холмсом в дверях.

— Это дело вызовет много шума, сэр, — заметил он. — Оно затмевает все, что я видел до сих пор, а я не желторотый юнец.

— Нашли какие-нибудь зацепки? — спросил Грегсон.

— Никаких, — отрапортовал Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, опустившись на колени, внимательно его осмотрел.

— Вы уверены, что на нем нет ран? — спросил он, указывая на многочисленные брызги и разводы крови, видневшиеся повсюду.

— Абсолютно! — воскликнули хором оба детектива.

— Тогда кровь, разумеется, принадлежит второму лицу — предположительно убийце, если здесь действительно произошло убийство. Это напоминает мне обстоятельства, сопутствовавшие смерти ван Янсена, имевшей место в Утрехте в 1934 году. Вы помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Почитайте о нем — вам будет полезно. Ничто не ново под луною. Все когда-нибудь уже было.

Пока он говорил, его проворные пальцы порхали туда-сюда, ощупывая, надавливая, расстегивая пуговицы, изучая, между тем как взгляд хранил отсутствующее выражение, которое я отметил ранее. Осмотр был произведен так быстро, что едва ли кто-нибудь смог бы догадаться, сколь тщательным он был. В заключение Холмс обнюхал губы покойного и взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

— Его совсем не сдвигали с места? — спросил он.

— Не более чем было необходимо, чтобы осмотреть.

— Можете увозить в морг, — распорядился Холмс. — Больше мы от него ничего не узнаем.

У Грегсона наготове было четверо мужчин с носилками. По его приказу они вошли в комнату, подняли мертвого незнакомца и унесли. В тот момент, когда они переключивали его на носилки, на пол, тихо звякнув, упало и покатилося кольцо. Лестрейд схватил его и стал озадаченно разглядывать.

— Здесь была женщина! — воскликнул он, протягивая колечко на вытянутой ладони. — Это женское обручальное кольцо.

Мы сгрудились вокруг него, уставившись на находку. Не было никаких сомнений, что некогда этот гладкий золотой ободок украшал палец новобрачной.

— Это осложняет дело, — сказал Грегсон. — Хотя, видит бог, оно и без того было достаточно запутанным.

— А вы не думаете, что это его упрощает? — заметил Холмс. — Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли у него в карманах?

— Вот, все здесь, — ответил Грегсон, выводя нас на крыльцо и указывая на кучку предметов, выложенных на нижней ступеньке. — Золотой брегет лондонской часовой фирмы «Барро» за номером 97163 на золотой альбертианской¹ цепи, очень тяжелой и массивной. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булава для галстука в виде головы бульдога с рубиновыми глазами. Визитница из русской кожи с карточками на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует меткам «ЕДД» на белье. Кошелек не было, но в карманах имелись деньги в сумме семи фунтов тринадцати шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце — имя некоего Джозефа Стэнджерсона. Два письма: одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое — Джозефу Стэнджерсону.

— Какой адрес на конвертах?

— Американский почтовый пункт, Стрэнд, до востребования. Оба письма отправлены из паровой компании «Гион» и касаются расписания судов этой компании, отплывающих из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

— Вы что-нибудь попытались узнать об этом Стэнджерсоне?

— Разумеется, сэр, первым делом, — сказал Грегсон. — Я разослал объявления во все газеты и отправил своего человека в Американский почтовый пункт, но он еще не вернулся.

¹ Цепь для карманных часов, составленная из массивных звеньев; свое название получила по имени принца Альберта (1819—1861), мужа королевы Виктории.

— А запрос в Кливленд послали?
— Мы телеграфировали туда еще утром.
— Что вы написали в телеграмме?
— Просто обрисовали ситуацию и попросили сообщить нам любые сведения, которые могут помочь следствию.
— Вы не задали никаких конкретных вопросов, которые кажутся вам существенными?
— Я спросил о Стэнджерсоне.
— Больше ничего? По-вашему, нет здесь особого обстоятельства, на котором зиждется все это дело? Не хотите телеграфировать дополнительных вопросов?
— Я спросил все, что должен был спросить, — обиженно ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и собирался было отпустить какое-то замечание, когда Лестрейд, который оставался в комнате, пока мы беседовали на крыльце, снова появился на сцене, торжественно и самодовольно потирая руки.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что сделал открытие чрезвычайной важности: нашел улику, которая была бы упущена, не осмотри я стены с должной скрупулезностью.

Глаза коротышки сверкали, он с трудом сдерживал ликование оттого, что утер нос коллеге.

— Идите сюда, — позвал он, бросаясь обратно в комнату, атмосфера которой словно бы стала чище после того, как ужасный обитатель этой комнаты был унесен. — Встаньте-ка здесь! — Он зажег спичку, чиркнув ею о подошву, и, приблизив огонек к стене, победно произнес: — Взгляните на это!

Я уже говорил, что в некоторых местах обои оторвались. В том углу, куда указывал Лестрейд, со стены свисал большой лоскут, обнажая желтый квадрат грубой штукатурки. Поперек него кроваво-красными буквами было накорябано одно слово:

RACHE

— Ну, что вы об этом думаете? — воскликнул детектив с видом балаганного зазывалы, желающего привлечь внимание публики к выступлению. — Этой надписи никто не заметил потому, что она находится в самом темном углу, никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца напи-

сал — или написала — это собственной кровью. Взгляните на подтек, здесь кровь стекала по стене! Это, во всяком случае, исключает версию самоубийства. Хотите знать, почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на каминной полке? В тот момент она горела, и этот угол был не самым темным, а самым освещенным участком стены.

— Ну, и что означает эта *ваша* находка? — презрительно спросил Грегсон.

— Что означает? Ну как же, она означает, что человек хотел написать женское имя Рейчел, но ему что-то помешало закончить. Помяните мое слово, когда это дело будет раскрыто, окажется, что к нему так или иначе причастна некая женщина по имени Рейчел. Можете сколько угодно смеяться, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и догадливы, но, когда все уже сказано и сделано, нет ничего лучше старой ищейки.

— Простите великодушно! — извинился мой компаньон, который так рассердил коротышку, не сумев сдержать смеха. — Разумеется, вам следует отдать должное как первому среди нас, кто нашел эту надпись, и она, как вы справедливо заметили, наверняка была сделана вторым участником таинственных событий, случившихся здесь прошлой ночью. Я не успел еще осмотреть комнату, но, с вашего позволения, сделаю это теперь.

Продолжая говорить, он достал из кармана рулетку и большую круглую лупу и с этими двумя инструментами начал бесшумно обходить комнату, иногда останавливаясь, иногда опускаясь на колени, а однажды даже распластался ничком на полу. Он был так поглощен своим занятием, что, казалось, забыл о нашем присутствии: все время бормотал что-то себе под нос, то ворча, то присвистывая, то радостно издавая тихие одобрительные возгласы. Пока я наблюдал за ним, мне невольно пришло на ум сравнение с чистопородной, хорошо выдрессированной английской паратой¹ гончей, стремительно мечущейся по лесной чаще в поисках утерянного следа. Он продолжал свои изыскания

¹ Паратость — быстрота, с которой гончая преследует зверя. По сравнению с гончей пешей, более медлительной, паратая находится ближе к зверю, улавливает более сильный по запаху след и не оставляет зверю времени на проделывание уловок.

минут двадцать, а то и больше, тщательно вымеряя расстояния между некими неведомыми мне отпечатками и время от времени прикладывая рулетку к стене с равным образом непостижимыми для меня целями. В одном месте он очень аккуратно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и ссыпал ее в конверт. Наконец он исследовал с помощью лупы надпись на стене, задерживаясь на каждой букве с до-тошнейшим вниманием. Покончив и с этим, он, видимо, остался доволен, потому что спрятал в карман и рулетку, и лупу.

— Говорят, что гений — это прежде всего способность неустанно прилагать усилия, — заметил он с улыбкой. — Совершенно неправильное определение, но по отношению к работе сыщика оно справедливо.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-любителя с изрядным любопытством и некоторым презрением. Судя по всему, они не сумели понять то, что начинало доходить до меня: все мельчайшие действия Шерлока Холмса направлены к одной определенной практической цели.

— Ну, и что вы об этом думаете, сэр? — спросили они хором.

— Не хочу лишать вас заслуг раскрытия этого дела, претендуя на роль помощника, — скромно заметил мой друг. — Вы так успешно продвигаетесь вперед, что любое вмешательство неуместно. — Его голос был преисполнен сарказма. — Однако, если вы сочтете возможным держать меня в курсе вашего расследования, — продолжал он, — в дальнейшем я буду счастлив помочь чем смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, обнаружившим труп. Не могли бы вы сообщить мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свой блокнот и сказал:

— Его зовут Джон Рэнс. Сегодня он выходной, но вы сможете найти его по адресу Одли-корт, сорок шесть, Кеннингтон-Парк-Гейт.

Холмс записал адрес.

— Пошли, доктор, — сказал он. — Навестим его. Могут все же сообщить кое-что, что может вам помочь, — обратился он к детективам. — Здесь произошло убийство, убийца — мужчина. Это человек ростом более шести футов, в расцвете сил, у него маленькие для его роста ступни, он был обут в грубые ботинки с квадратными мысами и курил

трихинопольскую сигару. Сюда он прибыл вместе со своей жертвой в четырехколесном кэбе, запряженном одной лошастью с тремя старыми подковами и одной новой — на правой передней ноге. Скорее всего, у убийцы красное лицо, а на правой руке необычно длинные ногти. Вот несколько незначительных примет, но, вероятно, они могут оказаться вам полезными.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

— Если этого человека действительно убили, то как это было сделано? — спросил первый.

— Яд, — коротко сообщил Холмс и решительно направился к выходу, но в дверях обернулся и добавил: — А «Rache» по-немецки означает «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рейчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он удалился, оставив двух соперников стоять с открытыми ртами.

4. ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РЭНС

Был час дня, когда мы покинули дом номер три в Лористон-гарденз. Шерлок Холмс повел меня в ближайшее отделение связи, откуда отправил длинную телеграмму. Потом он кликнул кэб и велел извозчику отвезти нас по адресу, который сообщил Лестрейд.

— Нет ничего лучше, чем свидетельство очевидца, — заметил он. — В сущности, дело мне уже совершенно ясно, однако никакой информацией не следует пренебрегать.

— Вы меня удивляете, Холмс, — сказал я. — Бьюсь об заклад, вы не так уверены во всех тех приметах, которые сообщили, как пытаетесь показать.

— Уверенней и быть невозможно, — ответил он. — Первое, что я заметил по прибытии, это две колесные колеи у края тротуара, проложенные кэбом. Вплоть до прошлого вечера целую неделю дождя не было, значит, экипаж, от колес которого остался столь глубокий след, был здесь прошлой ночью. На земле имеются также отпечатки лошадиных подков, очертания одной из них гораздо более четкие, чем трех остальных, следовательно, эта подкова — новая. Поскольку кэб приехал сюда после того, как начался дождь, а сегодня утром никаких экипажей здесь не было — Грегсон меня в этом заверил, — следы оставлены ночью